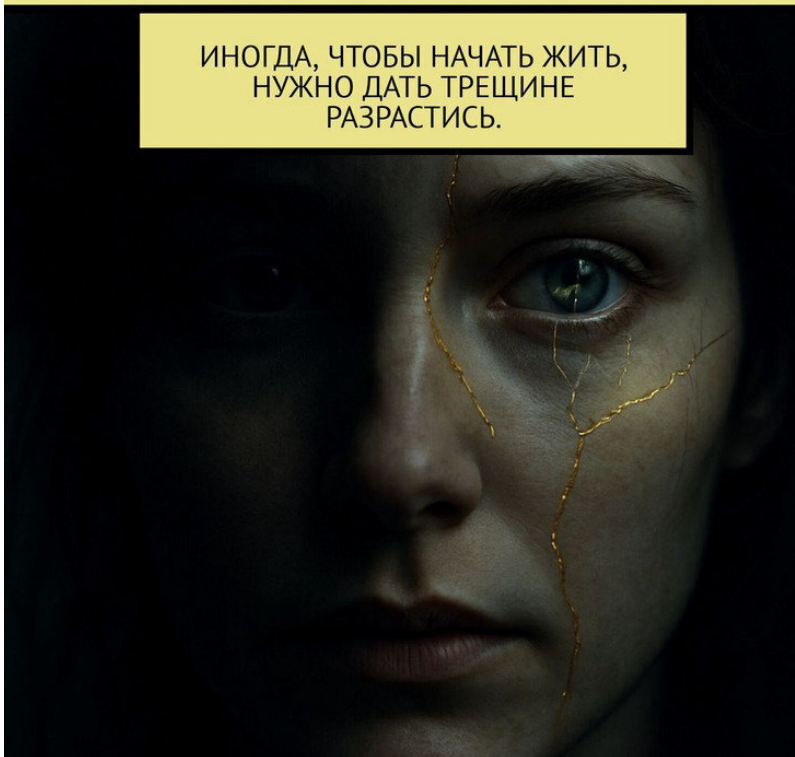


18+

НАТАЛЬЯ ЗВЕРЬ

**ЩЕПКИ. Записки
ненормативного психолога**

ИНОГДА, ЧТОБЫ НАЧАТЬ ЖИТЬ,
НУЖНО ДАТЬ ТРЕЩИНЕ
РАЗРАСТИСЬ.



Наталья Зверь
Щепки. Записки
ненормативного психолога.
Иногда, чтобы начать жить,
нужно дать трещине разрастись

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72956507
ISBN 9785006875821

Аннотация

Этот роман – как сеанс у психолога, который не жалеет, а вскрывает правду. Про контроль, манипуляции, финансовую зависимость и немыслимую цену свободы. Если вы хоть раз чувствовали, что живете чужой жизнью – эта книга ваш инструктаж перед побегом. Жестко. Без прикрас. За душу берёт и не отпускает. Эта книга для вас, если: Вы устали быть «удобной» и хотите научиться говорить «нет». Вы ищете не сладкую сказку, а честный, жесткий и психологически точный разбор того, как ломаются и собираются заново Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Романа-учебник «ЩЕПКИ»	5
Часть 1: ТРЕЩИНЫ (Главы 1—20)	6
Глава 1. Стекланный потолок с трещиной	6
Глава 2. Сцена №47: «Как прошел твой день, дорогой?»	15
Глава 3. Психолог с поцарапанной душой	21
Глава 4. Безупречный Максим	28
Глава 5. Яжемать	33
Глава 6. Принцип «Не беси отца»	38
Глава 7. Диагноз: Норма	43
Глава 8. Первая щепка	48
Глава 9. Письмо из ниоткуда	54
Глава 10. Контрольный выстрел в зеркало	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Щепки. Записки
ненормативного психолога
Иногда, чтобы начать
жить, нужно дать
трещине разрастись**

Наталья Зверь

© Наталья Зверь, 2025

ISBN 978-5-0068-7582-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Щепки» – потому что в конфликтах, в борьбе за себя и свое счастье, летят щепки. От отношений, от семьи, от старых убеждений. Это больно, но это единственный способ построить что-то новое, прочное.

Романа-учебник «ЩЕПКИ»

Часть 1: ТРЕЩИНЫ (Главы 1—20)

Глава 1. Стекланный потолок с трещиной

Дождь стучал по оконному стеклу, словно назойливый сосед, требующий впустить его в твою жизнь. Алиса смотрела на капли, расплывающиеся в грязные пятна на идеально чистом стекле, и думала о том, что именно так выглядит ее брак – внешне безупречный, внутри грязный и размазанный.

«Сколько можно смотреть в окно?» – голос Максима прозвучал ровно на той громкости, которая позволяла не кричать, но давала понять – вопрос не терпит возражений. Он ненавидел, когда она «уходила в себя». Это называлось «непродуктивная трата времени».

«Извини, задумалась», – она повернулась к нему, автоматически поправив идеально лежащую складку на шелковой блузке. Улыбнулась. Уголки губ – строго на сантиметр вверх, не больше. Вымуштрованная годами легкость.

Максим уже был готов к работе – костюм от ведущего дизайнера, часы дороже целого состояния, туфли, в которых он мог бы без стеснения заседать в парламенте любой европейской страны. Все как всегда. Все как пять лет назад. Все как

должно быть.

«Ужин в семь. Не опаздывай», – он поцеловал ее в щеку. Всегда аккуратный. Всегда правильный. Иногда ей до судорог в сжатых челюстях хотелось, чтобы он разбил тарелку. Или закричал. Или сделал что-то живое, пусть уродливое, но человеческое.

Дверь закрылась с тихим щелчком бронированного замка. Алиса осталась одна в звенящей тишине просторной квартиры, где каждая дизайнерская вещь стоила больше, чем некоторые люди зарабатывали за год, и ни одна не была выбрана ею. Ее мнение учли, конечно. «Дорогая, ты действительно думаешь, что этот псевдо-авангард будет смотреться в гостиной в стиле хай-тек?» – и она, профессиональный психолог, умеющая распутывать сложнейшие узлы чужих травм, сдавалась перед его железной логикой.

Она подошла к панорамному окну, вжала лоб в холодное стекло. Внизу, в тридцати этажах, копошились машины, люди-букашки спешили по своим букашечным делам. Его черный Mercedes уже исчез в потоке, поглощенный утром и важностью предстоящих сделок. Именно в этот момент ее взгляд упал на едва заметную, в паутинку, трещину в стеклянной столешнице журнального столика. Совсем маленькая. Почти невидимая. Но она знала – раз появившись, трещины имеют свойство расти. Как и трещины в отношениях. Сначала почти незаметная шероховатость, потом – паутинка, а потом все вдруг разлетается на тысячи острых осколков.

«Хватит ныть, Алиса, – вслух сказала она себе, отходя от окна. – Иди работай».

Кабинет был ее крепостью. Единственное место в этой стерильной квартире, где ей дозволялся «творческий беспорядок». На столе громоздились стопки книг по клинической психологии, папки с историями пациентов, стояла ее старая, потрепанная керамическая кружка с надписью «Всем плевать», подарок коллеги на окончание университета. Максим терпеть ее не мог и постоянно убрал в дальний шкаф.

Первая пациентка сегодня – Светлана, 35 лет. «Не могу уйти от мужа, бьюсь как рыба об лед». Классика. Алиса вздохнула, готовясь к очередному сеансу душевной хирургии. Она была тем самым психологом, который не гладит по головке и не говорит «вы просто недопонимаете друг друга». Она вскрывала абсцессы чужих жизней без анестезии. За это ее и любили, и ненавидели.

Ровно в десять раздался звонок домофона. Светлана. Алиса впустила ее, готовая к очередной порции женских страданий. Но вместо заплаканных глаз она увидела странное, почти отрешенное спокойствие.

«Входите, Светлана. Проходите в кабинет».

Женщина молча прошла, села в кресло, положила руки на колени. Смотрела в окно.

«Что происходит?» – спросила Алиса, откладывая блокнот. Интуиция, ее верная спутница, зашевелилась, сигнализируя: что-то не так.

«Я ушла от него», – тихо сказала Светлана. В ее голосе не было ни радости, ни облегчения. Пустота.

Алиса почувствовала странный укол где-то под сердцем. «Расскажите».

«Вчера. Вынесла свои вещи. Пока он был на работе. Оставила ключи и смс». Она говорила монотонно, как робот. «Знаете, что я поняла, Алиса Викторовна? Поняла, что мы все – не жертвы. Мы – сообщники. Мы позволяем им с нами так обращаться. Мы сами вручаем им плетку и сами же подставляем спину. А потом плачем, какие они нехорошие».

Алиса медленно кивнула. Знакомая мысль. Та, что она сама годами гнала от себя, как навязчивую муху.

«И что вы почувствовали, когда ушли?»

Светлана впервые посмотрела на нее прямо. Взгляд был остекленевшим, неживым. «Ничего. Абсолютно ничего. Как будто я не человека бросила, а сдала в химчистку старый халат. От которого давно пора было избавиться».

Они помолчали. Дождь за окном усиливался, превращая день в сумерки.

«А знаете, что самое пиз... самое удивительное?» – Светлана чуть скривила губы, подбирая слово, но потом махнула рукой, разрешая себе ненорматив. «Самое пиздатое? Что я не боялась. Не боялась остаться одна, не боялась бедности, не боялась его гнева. Я боялась только одного – что у меня не хватит яиц это сделать. А они, блять, нашлись».

Алиса застыла. Слово «яйца», прозвучавшее в ее стерильном кабинете, повисло в воздухе, как похабный анекдот на похоронах. Грубо, неуместно, но до чертиков правдиво. Не хватает не смелости, не мудрости, не ресурсов. Не хватает именно этого – простой, животной, мужской по своей сути решимости сделать хуй с ним, со всем, и поступить так, как велит тебе твое выживающее нутро.

«Вы... вы поступили очень смело», – наконец выдавила Алиса, чувствуя фальшь в собственном голосе.

«Не смело, – поправила ее Светлана. – По-человечески. Просто надоело быть вещью. Надоело быть частью его интерьера. Красивой, дорогой, но вещью».

Сеанс закончился. Светлана ушла, оставив после себя не просто тишину, а тяжелый, давящий вакуум. Ее слова висели в воздухе, как приговор. «Часть интерьера». Алиса обвела взглядом свой кабинет, потом через открытую дверь – безупречную гостиную, кухню с техникой итальянских брендов, холл с мраморным полом. Ее тюрьму. Ее золотую клетку.

Она подошла к столу, взяла свою старую кружку. Провела пальцем по трещинке на ручке. Ее жизнь была похожа на эту кружку. С виду целая, еще можно пользоваться. Но трещина есть. И однажды, когда нальешь в нее кипяток, она может лопнуть.

Она открыла ноутбук, чтобы внести заметки по сеансу. Вместо этого ее пальцы сами набрали в поисковой строке:

«Лев Барский новые выставки».

Имя выскочило на экран, как удар током. Статья в арт-журнале. Фотография. Он почти не изменился. Все те же насмешливые глаза, чуть растрепанные волосы, на лице – вечное выражение легкого, почти презрительного удивления перед миром. Лев. Тот, с кем она когда-то, кажется, в прошлой жизни, пила дешевое вино в обшарпанной мастерской на окраине города и спорила до хрипоты о Франце Кафке и Сальвадоре Дали. Тот, кто мог заставить ее хохотать до слез или плакать от ярости. Тот, кто звал ее «Аська», а не «Алиса Викторовна». Тот, кто сломал ей сердце, не предложив взамен ничего, кроме хаоса и непредсказуемости.

Она резко захлопнула ноутбук. Сердце колотилось где-то в горле. Зачем? Зачем она это сделала? Это было опасно. Это было как тыкать в глубокую рану острым прутиком, проверяя, болит ли еще.

Звонок телефона вывел ее из оцепенения. На экране – «Мама». Алиса закрыла глаза, собираясь с силами. Еще один фронт. Еще одна битва за право быть собой.

«Алиса, здравствуй, дочка. Ты почему вчера не перезвонила? Я волновалась».

«Мама, извини, были дела», – Алиса прижала телефон плечом к уху, продолжая смотреть на закрытый ноутбук, за которым пряталось лицо Льва.

«Всегда у тебя дела. А позвонить матери – нет времени. Я тут прочитала интересную статью про витамины. Тебе обя-

зательно нужно пропить курс, я уже заказала. И Максиму тоже. Мужчинам после сорока обязательно нужен цинк. Ты ему передашь?»

«Передам, мам», – Алиса почувствовала, как по спине ползет знакомая усталость. Гиперопека. Вечный контроль. Ее мать управляла ее жизнью с упорством полководца, даже теперь, когда дочери было тридцать восемь.

«Как у вас с Максимом? Все хорошо?» – в голосе матери прозвучали знакомые нотки – не столько беспокойство, сколько проверка. Удостоверение, что дочь по-прежнему соответствует высокому званию «удачно вышедшая замуж».

«Все прекрасно, мама. Как всегда».

«Вот и хорошо. Ты держись за него, Алиса. Мужики как он на дороге не валяются. Ты сама понимаешь, с твоим-то характером...»

«С моим характером что?» – Алиса почувствовала, как сжимаются кулаки.

«Ну, ты же знаешь... Ты всегда была сложной. Слишком независимой. Мужчины этого не любят. Максим – золотой человек, он тебя терпит».

«Он меня не „терпит“, мама. Мы живем вместе. Мы семья».

«Ну, конечно, конечно, – махнула рукой мать на том конце провода. – Кстати, насчет семьи. Когда уже? Мне внуков хоть когда-нибудь дожидаться? Тебе ведь уже тридцать восемь, не век же тебе твоими психологиями заниматься...»

«Мама, давай не сейчас, хорошо? У меня пациент скоро».

«Ладно, ладно. Не перетруждайся. И витамины не забудь.

Цинк для Максима! Я ему сама напишу».

Алиса бросила телефон на диван. «Цинк для Максима». К черту цинк. К черту витамины. К черту эту идеальную, вылизанную жизнь, в которой даже секс был распланирован, как деловая встреча по четвергам и воскресеньям, если никто не устал.

Она снова подошла к трещине на столешнице. Присела, провела по ней пальцем. Шероховатость. Изъян. Дефект. И именно он вдруг стал самым живым, самым настоящим предметом во всей этой квартире.

В голове прозвучала фраза Светланы: «...что у меня не хватит яиц это сделать. А они, блять, нашлись».

Алиса встала, подошла к барной стойке на кухне. Налила в стопку виски. Максим не одобрял крепкий алкоголь дома. «Это дурной тон, Алиса». Она опрокинула стопку. Жидкость обожгла горло, в глазах помутнело.

Она снова открыла ноутбук. Лев смотрел на нее с экрана. Насмешливо. Вызывающе. Как будто знал, что она когда-нибудь вернется.

Она медленно, почти на ощупь, напечатала ответ на статью о его выставке. Простой, лаконичный комментарий, который мог бы быть написан кем угодно.

«Интересные работы. Чувствуется мощная энергетика. Удачи с выставкой».

И отправила. Сердце заколотилось, выбивая дикий, незнакомый ритм. Это было глупо. Опасно. Бессмысленно.

Но впервые за долгие годы она почувствовала не страх, а щемящий, пьянящий восторг. Восторг от того, что сделала что-то без спроса. Без одобрения. Без оглядки на «а что подумает Максим», «а как это впишется в наш образ жизни», «а правильно ли это».

Она просто сделала. И трещина в стекле, и этот дурацкий комментарий в интернете – это были первые щепки. Первые сколы с ее идеальной, мертвой жизни.

И она с ужасом и предвкушением понимала – это только начало.

Глава 2. Сцена №47: «Как прошел твой день, дорогой?»

Ответ пришел через три часа. Ровно столько, сколько требовалось, чтобы Алиса сто раз передумала, попыталась удалить комментарий (но не стала), выпила еще одну стопку виски и перечитала всю статью о Льве, выискивая между строк упоминания о женщинах, семье, детях. Ничего. Только искусство, эпатаж и цитата: «Художник не должен быть удобным».

Уведомление всплыло на экране телефона, когда она на автомате разогревала ужин – безвкусное рагу от их личного шефа, которое Максим заказывал раз в неделю, потому что оно «сбалансировано по КБЖУ».

Незнакомый аккаунт. Аватарка – черный квадрат. Текст: «Аська? Это ты? Узнал твой почерк. Даже через десять лет. Говоришь банальности, когда нервничаешь. Готова спорить о Кафке до хрипоты?»

Кровь ударила в виски. Он узнал. По двум строчкам. Он помнил. Она стояла с телефоном в дрожащей руке, глядя на пузырьки воздуха в многоразовом контейнере с рагу, и мир сузился до размера экрана.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Вариант А: Игнорировать. Стереть. Заблокировать. Вернуться в безопасную реальность, где нет Льва, нет трещин,

есть только сбалансированное рагу.

Вариант Б: Ответить. Сделать шаг в хаос. Позволить трещине разрастись.

Она выбрала Б. Дрожащими пальцами набрала: «Кафку перечитала. Разочаровалась. Он просто нытик.»

Ответ пришел мгновенно, будто он ждал у экрана: «Ура! Ты жива! И все так же ошибаешься. Встречаемся. Завтра. Студия на Таганке. 19:00. Буду ждать до 19:15.»

Алиса засмеялась. Резко, громко, почти истерично. Этот нахальный, самоуверенный тон! Ни тени сомнения, что она откажется, что у нее может быть другая жизнь, муж, планы. «Буду ждать до 19:15». Как будто выдавал ей величайшую милость.

В этот момент щелкнул замок. Алиса выронила телефон, будто обожглась. Он упал на пол, экраном вниз.

Максим вошел в прихожую. Его движения были выверенными, экономными. Повесил пальто на вешалку-конструктор, которую ненавидел, но терпел, потому что ее выбрал знаменитый дизайнер. Поставил туфли в шкаф.

«Я дома», – сказал он ритуальную фразу. Не «привет», не «здоров». Констатация факта.

Алиса подняла телефон. На экране – паутина трещин. Новых, реальных. Ирония судьбы была точно в цель. Она судорожно вытерла его об штаны, сунула в карман.

«Как прошел твой день, дорогой?» – спросила она, выходя в прихожую. Голос прозвучал хрипло. Она прокашлялась.

Максим остановился и посмотрел на нее. Взгляд был ска-
нером, оценивающим отклонения от нормы.

«Ты простудилась?»

«Нет. Просто... горло першит».

«Измерь температуру. Нельзя запускать такие вещи. У нас
в субботу прием Глуховых. Ты не забыла?»

Он прошел на кухню, к раковине, вымыл руки с антибак-
териальным мылом. Сцена №47. Все по нотам.

«Конечно, не забыла», – солгала она. Забыла. Начисто.

«Что с тобой?» – он повернулся, вытирая руки. Его взгляд
упал на барную стойку. На одну-единственную стопку, кото-
рую она не успела убрать.

Алиса почувствовала, как по спине бегут мурашки. «Ни-
чего. Устала».

Он подошел к стойке, поднял стопку, понюхал. «Виски.
В шесть вечера. Это что, новый метод терапии?» – в его го-
лосе зазвенела сталь. Легкая, пока еще вежливая насмешка.

«Максим, хватит. Я взрослый человек, могу выпить стоп-
ку, если захочу». Она попыталась вложить в голос твердость,
но получилось слабо и виновато.

Он медленно поставил стопку в посудомойку. «Взрослый
человек не пьет в одиночку. Это признак дурного тона и...
слабости. Мы с тобой не слабые, Алиса. Мы – команда». Он
подошел к ней, положил руку ей на плечо. Ладонь была хо-
лодной. «У тебя проблемы? С клиентами? Снова эти исте-
рички не могут наладить свою жалкую жизнь?»

Его слова впились в нее, как иглы. «Истерички». Так он называл ее пациенток. Ее работу.

«Нет. Все нормально».

«И отлично. Тогда давай не будем портить вечер. Что у нас на ужин?»

Он сел за стол. Развернул салфетку. Ждал.

Алиса машинально разложила рагу по тарелкам. Рука дрожала, и она пролила соус на идеально отполированную поверхность стола.

«Боже, извини», – она бросилась вытирать тряпкой.

Максим вздохнул. Звук долготерпения. «Алиса. Пожалуйста, соберись. Эта нервозность... Она тебя не красит».

Она села напротив, сжав колени под столом. Ела, не чувствуя вкуса. Каждый кусок вставал комом в горле. Телефон в кармане жег плоть. Там, под паутиной треснувшего стекла, лежало приглашение. Встреча. Завтра. 19:00.

«Глуховы придут в восемь, – голос Максима вернул ее к реальности. – Шеф-повар будет в пять. Ты проследи, чтобы вино достали из погреба к шести. И смени, пожалуйста, ароматизатор в гостиной. Этот мне кажется слишком сладким».

«Хорошо», – кивнула она.

«И закажи, пожалуйста, мне новые запонки. Те, что с сапфирами, потеряли вид. Выбирай что-то строгое. Неброское».

«Хорошо».

«Ты вообще меня слушаешь?» – он отложил вилку.

Она подняла на него глаза. Увидела свое отражение в его

темных, как маслины, зрачках. Маленькое, перекошенное, испуганное.

«Слушаю, Максим. Новые запонки. Неброские».

Он изучал ее несколько секунд. «Знаешь, я беспокоюсь о тебе. Ты стала какой-то... рассеянной. Может, тебе стоит отдохнуть? Съездить в тот спа-отель в Альпах? Ты всегда возвращалась оттуда в норме».

«В норме». Как будто она была прибором, который нужно периодически настраивать.

«Я подумаю», – сказала она.

Ужин закончился в тишине. Он ушел в кабинет – «про-смотреть отчеты». Она осталась на кухне, глядя на грязную посуду. Ее жизнь была похожа на эту посуду – ее нужно было вымыть, расставить по полкам, чтобы завтра все началось сначала.

Она вынула телефон. Провела пальцем по треснувшему экрану, читая сквозь паутину его сообщение. «Буду ждать до 19:15».

А потом она сделала то, чего не делала никогда. Не спросив, не предупредив. Она пошла в свою спальню, захватила одеяло и подушку, вернулась в гостиную и устроилась на диване.

Через пятнадцать минут из кабинета вышел Максим.

«Ты что это делаешь?»

«Я сегодня посплю здесь. Не выпалась».

Он стоял в дверях, молча. Давление в системе стремитель-

но росло.

«Это из-за виски? Или из-за того, что я сделал тебе замечание?»

«Нет, Максим. Я просто хочу поспать здесь».

«В гостиной. На диване».

«Да».

Он медленно покачал головой. «Как знаешь. Но ароматизатор, пожалуйста, смени. От этого голова болит».

Он развернулся и ушел. Дверь в спальню закрылась. Не хлопнула. Закрылась. Тихо, четко, окончательно.

Алиса осталась одна в полумраке гостиной. Она потрогала пальцем трещину на столешнице. Потом обняла подушку и прижалась лицом к прохладной ткани дивана.

Внутри нее что-то сломалось. Не громко, а тихо. Как лопается натянутая струна. И в этой тишине родилось новое, твердое, как камень, решение.

Она достала телефон. Написала Льву. Всего одно слово.

«Приду».

Глава 3. Психолог с поцарапанной душой

Следующий день был похож на ходьбу по канату над пропастью. Каждое движение требовало нечеловеческого напряжения. Алиса вела прием, говорила с клиентами, а сама будто наблюдала за собой со стороны. Ее профессиональное «я» работало на автопилоте, а внутри бушевала буря.

Последняя пациентка ушла в шестнадцать тридцать. До встречи со Львом оставалось два с половиной часа.

Она закрыла дверь кабинета, прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. Сердце колотилось, как у загнанного зверя.

Что ты делаешь, дура? Ты разрушаешь всё. Свою жизнь. Свой брак. Свою репутацию.

Голос здравого смысла звучал в голове убедительно и громко. Но был и другой голос. Тихий, но настойчивый. Тот, что шептал: Слишком поздно. Трещина уже прошла через всё. Теперь ты можешь только смотреть, как всё рушится. Или прыгнуть первой.

Она подошла к зеркалу. Осмотрела свое отражение. Деловой костюм, собранные волосы, макияж, скрывающий усталость. Маска благополучия, которую она носила годами.

«Кого ты обманываешь?» – прошептала она своему отражению.

Она резко распустила волосы, сняла пиджак. Достала

из шкафа джинсы и просторную черную водолазку – вещи, которые Максим терпеть не мог, называя «одеждой для бедных». Надела их. Стерла помаду. Посмотрела на себя. Теперь она выглядела... проще. Моложе. На десять лет моложе.

Телефон вибрировал. Максим. Она сглотнула комок в горле и взяла трубку.

«Алиса, ты где? Повар будет через полчаса. Ты обещала проследить.»

Голос его был ровным, но она уловила в нем легкое раздражение. Он ненавидел, когда планы нарушались.

«Я... задерживаюсь. Срочный клиент. Депрессия, суицидальные мысли. Не могу его бросить.» Ложь далась ей на удивление легко. Она сама себе удивилась.

Молчание на том конце провода. Ощутимое, давящее.

«На сколько?»

«На... на пару часов. Я успею к приходу гостей.»

«Хорошо. Но чтобы к восьми ты была здесь. В идеальном состоянии. Поняла?»

«Поняла.»

Он положил трубку, не попрощавшись. Алиса выдохла. Первый барьер взят.

Она вышла из дома, села в свою машину – серую, неприметную ауди, которую Максим выбрал для нее как «оптимальный вариант». Она завела двигатель и несколько минут сидела, глядя в одну точку. Руки дрожали.

Еще не поздно. Развернись. Вернись домой. Смени аро-

матизатор. Прими повара. Надень черное платье и жемчуг. Будь хорошей женой.

Вместо этого она включила навигатор и вбила адрес: «Таганка, 38». Машина проложила маршрут. 45 минут с учетом пробок.

Она тронулась с места. Каждый метр удалял ее от старой жизни. Страх смешивался с щемящим, почти болезненным возбуждением. Она чувствовала себя преступником, бегущим с места преступления.

По дороге ей позвонила мать. Алиса сбросила вызов. Потом посмотрела на телефон и выключила его совсем. Полная тишина. Никаких связей с настоящим.

Студия Льва оказалась в старом, обшарпанном здании бывшего завода. Граффити на стенах, разбитая плитка у входа. Другой мир.

Она поднялась по скрипучей железной лестнице на четвертый этаж. Перед дверью замерла. Сердце стучало так, что, казалось, его слышно в тишине подъезда.

Она толкнула дверь.

Пространство было огромным, залитым последними лучами заходящего солнца. Высокие окна в заводских рамах, кирпичные стены, пахло краской, пылью и... кофе. Повсюду стояли холсты, скульптуры, непонятные инсталляции из металла и стекла.

И он. Лев.

Он стоял спиной к ней, у мольберта, в заляпанных крас-

кой джинсах и простой футболке. Он был таким, как на фотографиях, но живым, настоящим. Энергия исходила от него почти физически.

«Пришел мой критик,» – сказал он, не оборачиваясь.

Алиса вздрогнула. «Как ты узнал, что это я?»

«Слышу. У тебя особенная походка. Всегда торопишься, даже когда идешь медленно.»

Он повернулся. Его глаза, серые и насмешливые, обшарили ее с ног до головы.

«Смотри-ка... Сменила имидж. С бизнес-леди на богемную девочку. Неплохо. Но джинсы дешевые. Максим не одобряет траты на простую одежду?»

Его слова ужалили. Он все знал. Или догадывался.

«Максим не имеет к этому никакого отношения.»

«О, как громко,» – он усмехнулся и подошел ближе. – «Значит, сегодня ты здесь одна? Без его одобрения? Без плана? Без списка тем для разговора?»

«Заткнись, Лев,» – вырвалось у нее. Грубо, по-старому.

Он рассмеялся. Искренне, громко.

«Вот и она. Настоящая. Я уж думал, ты навсегда закопала ее под слоем дорогого лака.»

Он подошел вплотную. Не прикасаясь к ней, но она чувствовала его тепло.

«Почему ты пришла, Аська?»

Она смотрела на него, не в силах отвести взгляд. На его морщинки у глаз, на седину в волосах, которую он не красил,

на шрам на подбородке – память о давней пьяной драке.

«Я... не знаю.»

«Врешь. Знаешь. Ты пришла, потому что сдохла там, в своем хрустальном гробу. И надеешься, что я смогу сделать искусственное дыхание.»

Он повернулся и пошел вглубь студии. «Иди сюда. Покажу, над чем работаю.»

Она последовала за ним, как загипнотизированная. В центре студии стояла скульптура – женщина, вырезанная из цельного куска прозрачного акрила. Но внутри, по всему телу, шли трещины. А из трещин прорастали тонкие, золотые жилы.

«Название – „Крики души“,» – сказал Лев. – «Японское искусство ремонта керамики золотым лаком. Преломление не скрывают, а подчеркивают. Красота в шрамах, Аська. Не в идеальной поверхности.»

Алиса смотрела на скульптуру, и у нее перехватило дыхание. Это была она. Ее жизнь. Ее душа.

«Нравится?» – его голос прозвучал совсем рядом.

Она кивнула, не в силах вымолвить слово.

«Я знал, что понравится. Я ее с тебя и писал.»

Она обернулась к нему. «Что?»

«С тебя. Все эти годы. Ты думала, я мог забыть?»

Он протянул руку и коснулся пальцем ее щеки. Легко, почти невесомо. Алиса вздрогнула, но не отстранилась. Его прикосновение жгло, как раскаленное железо.

«Ты вся в трещинах, Аська. И это самая красивая вещь, которую я когда-либо видел.»

И в этот момент часы пробили семь. До прихода гостей Глуховых оставался ровно час.

Реальность накрыла ее с головой. Она отшатнулась.

«Мне нужно идти.»

Лицо Льва стало серьезным. «Бежишь обратно в клетку?»

«У меня обязанности. Прием. Гости.»

«Обязанности,» – он произнес это слово с презрением. – «Ну что ж, беги. Но знай – дверь здесь открыта. Когда надоест притворяться... ты знаешь, где меня найти.»

Она посмотрела на него в последний раз. Запомнила его взгляд. Полный понимания и вызова одновременно.

Потом развернулась и почти побежала к выходу. Спускалась по лестнице, спотыкаясь. Выскочила на улицу. Вдохнула холодный вечерний воздух.

В машине она включила телефон. Три пропущенных от Максима и пять – от матери. И одно сообщение от Льва. Пришло только что.

«Жду. До 19:15. Завтра.»

Алиса закрыла глаза. Внутри нее бушевала война. Страх против надежды. Долг против желания. Прошное против будущего.

Она завела машину и поехала домой. На встречу с гостями. На встречу со своей другой жизнью.

Но теперь она знала – трещина прошла насквозь. И назад

пути не было.

Глава 4. Безупречный Максим

Алиса мчалась по вечернему городу, нарушая все скоростные режимы. В голове стучало: «Опоздаю. Он убьет меня. Все пропало». Руль был мокрым от ее потных ладоней.

Она влетела в подземный паркинг ровно в 19:55. Пять минут, чтобы превратиться из Алисы, которая только что стояла в студии Льва, в Алису Викторовну, хозяйку вечера.

Зеркало в лифте показало покрасневшее лицо, растрепанные ветром волосы. Она судорожно пыталась привести себя в порядок, но пальцы не слушались. Пахло чужим пространством – краской, пылью, Львом.

Лифт открылся прямо в прихожей их пентхауса. Первое, что она увидела – Максим. Он стоял, скрестив руки на груди, в идеально сидящем темно-синем костюме. Его лицо было маской ледяного спокойствия.

«Пятьдесят семь минут», – произнес он ровным, безразличным тоном. – «Я начал волноваться».

«Извини, пробки...» – начала она, снимая куртку.

«Не ври». Он сделал шаг вперед. Его глаза, холодные и пронзительные, изучали ее. «Ты не в пробках была. На тебе... джинсы. Ты пахнешь... мастерской. Краской».

Сердце Алисы упало. Он был как сыщик, видящий каждую улику.

«Я... заезжала в антикварный магазин. Искала подарок

Глуховым», – солгала она, проходя мимо него в сторону спальни.

Он не двигался с места. «Глуховы ценят своё время. Как и я. Переодевайся. У тебя три минуты».

В спальне на кровати лежало приготовленное вечернее платье – строгое, черное, с высоким воротником. Рядом – жемчужное ожерелье. Сценарий был расписан до мелочей.

Она скинула с себя джинсы и водолазку, словно снимая кожу. Быстрый душ. Макияж. Укладка. Когда она вышла из спальни, это была уже другая женщина – собранная, холодная, идеальная.

Максим осмотрел ее. Кивок. Одобрение. «Лучше. Запастся».

Она не поняла.

«Духи. Ты забыла надеть духи. Chanel №5, как мы договорились. Чтобы не перебивать аромат в гостиной».

Она вернулась в спальню, побрызгала духов. Рука дрожала.

Раздался звонок. Максим расплылся в гостеприимной улыбке. Маска была надета.

«Андрей! Марина! Как я рад! Входите!»

Глуховы – он, крупный чиновник, она, хозяйка модной галереи – вошли в прихожую. Поцелуи в щеку, комплименты.

«Алиса, ты сияешь, как всегда!» – Марина воздушно поцеловала ее.

«Спасибо, ты тоже», – автоматически ответила Алиса.

Они прошли в гостиную. Все было безупречно: пригласенный свет, идеальная чистота, едва уловимый аромат лилий в воздухе. Повар уже расставлял закуски.

Алиса выполняла свою роль. Улыбалась. Подливала вино. Поддерживала разговор. Но внутри все кричало. Каждый нерв был оголен.

«Так вот, Максим, насчет того контракта...» – Глухов перешел к делу.

Алиса встала, чтобы принести еще вина. Проходя мимо стола, она задела локтем рюмку. Хрусталь звонко разбился о мраморный пол. Осколки разлетелись по всей кухне.

В гостиной наступила тишина.

Марина фальшиво улыбнулась: «Ничего страшного, дорогая! К счастью!»

Но Алиса смотрела не на нее. Она смотрела на Максима. Его улыбка не дрогнула, но глаза стали абсолютно пустыми. Он медленно поднялся.

«Извините, Андрей, Марина. Кажется, моя жена немного устала. Алиса, дорогая, может, ты отдохнешь? Мы справимся без тебя».

Это было не предложение. Это был приказ. Унизительный и четкий.

Алиса стояла, не в силах пошевелиться. Она видела себя со стороны: жена, которую отсылают, как непослушного ребенка. И самое ужасное – она чувствовала стыд. Стыд за свою неуклюжесть, за свою слабость.

«Да... конечно. Извините еще раз», – прошептала она и вышла из гостиной.

Она не пошла в спальню. Она зашла в свой кабинет, закрыла дверь и прислонилась к ней. Дрожь шла изнутри, сжимая горло.

Из гостиной доносился ровный гул мужских голосов. Делла. Деньги. Контракты. Ее маленькая драма уже забыта.

Она подошла к столу, взяла свою старую треснувшую кружку. Прижала ее к груди.

За дверью слышались шаги. Не Максима. Горничной. Она подметала осколки. Звон битого стекла резал слух.

Алиса закрыла глаза и представила себе студию Льва. Запах краски. Его насмешливый взгляд. Скульптуру с золотыми трещинами.

«Ты вся в трещинах, Аська. И это самая красивая вещь, которую я когда-либо видел».

Она открыла глаза. Дрожь прошла. Внутри что-то затвердело. Что-то новое и решительное.

Она достала из ящика стола старый блокнот. На первой странице когда-то было написано: «Планы на жизнь». Она перевернула страницу и на чистом листе вывела одно слово. Крупно, с нажимом.

«ДОСТАТОЧНО».

Она сидела так несколько минут, глядя на это слово. Потом встала, подошла к двери и приоткрыла ее.

В гостиной шел оживленный разговор. Максим снова был

душой компании. Никто не вспоминал о ней.

Она тихо прошла на кухню, взяла со стола целую хрустальную рюмку из того же сервиза. Вернулась в кабинет.

Она поставила рюмку на пол перед собой. Посмотрела на нее. А потом подняла ногу и со всей силы наступила на нее каблуком.

Хруст был громким, удовлетворительным.

Она подняла один осколок – острый, блестящий. Положила его в карман платья.

Это был ее личный бунт. Тихий. Пока еще незаметный. Но уже необратимый.

Когда Максим пришел в спальню, она притворилась спящей. Он лег рядом, повернувшись к ней спиной. Они лежали в одной кровати, разделенные пропастью шириной в целую жизнь.

Алиса сжимала в руке осколок хрусталя. Острая боль пронзала ладонь, но она не разжимала пальцы. Эта боль была напоминанием. Она была реальной. Она была ее.

Она не была безупречной. И, возможно, в этом и была ее сила.

Глава 5. Яжемать

Утро началось с тирады. Не с «доброе утро», а с долгого, унижительного разбора полетов.

«...и самое главное – ты поставила под удар мою репутацию, Алиса. Глухов теперь думает, что я не могу контролировать даже собственную жену. Ты понимаешь, какие последствия это может иметь для наших общих проектов?»

Максим пил кофе, не глядя на нее. Он говорил ровным, методичным тоном, словно читал доклад о неудачных инвестициях.

Алиса молчала. Внутри все сжималось в комок. Она смотрела в свою тарелку, но видела не идеальную глазурь на тосте, а осколок хрусталя, спрятанный в шкатулке с драгоценностями. Ее тайный талисман неповиновения.

«Я ожидаю, что впредь подобного не повторится. Ты ведь взрослый человек, верно?»

Он встал, положил салфетку рядом с тарелкой. Ритуал завершен. Урок преподан.

Как только дверь закрылась за ним, зазвонил телефон. «МАМА» на экране. Алиса глубоко вздохнула, собираясь с силами. Второй фронт.

«Алиса, что вчера случилось?» – голос матери звенел от беспокойства, переходящего в упрек. – «Мне Марина Глухова только что написала! Она говорит, ты там чуть ли

не в истерике была, всё перебила и тебя чуть ли не в обмороке увели! Максим в порядке?»

Алиса сжала телефон так, что костяшки побелели. Конечно. Светская жизнь. Новости разносятся быстрее вируса.

«Мама, всё в порядке. Я просто устала и неловко двинулась».

«Устала? От чего устала? Сидишь дома, муж тебя обеспечивает, живешь как королева! Я в твои годы на трех работах вкалывала, чтобы тебе образование дать! А ты не можешь даже за собой следить!»

Классика. Аргумент «я страдала, поэтому и ты должна». Алиса закрыла глаза, мысленно считая до десяти.

«Мама, у меня есть работа. Сложные клиенты. Я не «сизу дома».

«А, эти твои психологии! – фыркнула мать. – Нормальные женщины детей рожают, а ты с какими-то неуравновешенными личностями возишься. Кстати, о детях...»

Алиса почувствовала, как по спине бегут мурашки. Она знала, что будет дальше.

«...тебе уже тридцать восемь, Алиса! Я в твои годы тебя уже в университет собирала! Ты вообще думала о своем будущем? О моих внуках? Максим – золотой мужчина, но и его терпение не безгранично! Мужчине нужен наследник!»

Слова впивались, как иголки. «Наследник». Как будто она – инкубатор для продолжения рода Максима.

«Мама, это не твое дело».

«Как это не мое дело? Я твоя мать! Я вся в тебя вложилась! А ты...» – голос ее дрогнул, включая режим жертвы. – «Ты даже позвонить лишний раз не можешь. Я одна, мне тяжело, здоровье уже не то... А ты живешь своей жизнью, даже не думаешь о матери».

Алиса встала и начала метаться по кухне. Этот манипулятивный трюк работал на нее годами. Чувство вины. Вечный спутник.

«Мама, я тебе перезвоню позже. У меня клиент».

«Опять клиент! Ладно, беги. Только не забудь, что я тебе витамины заказала. И передай Максиму, что цинк я ему отдельно выслала, самый качественный. Он такой хороший, так о тебе заботится...»

Алиса бросила телефон на диван, не дослушав. Она стояла, тяжело дыша, глядя в окно. Ей хотелось закричать. Разбить что-нибудь.

Она подошла к барной стойке. Бутылка виски стояла на прежнем месте. Максим, видимо, не заметил ее вчерашнего отсутствия. Или сделал вид.

Она налила. Выпила. Жидкость обожгла горло, но не принесла облегчения. Голос матери продолжал звучать в голове: «Ты должна... Ты обязана... Ты неблагодарная...»

Она схватила телефон снова. Ее пальцы сами набрали номер Льва. Она сбросила. Потом набрала сообщение: «Ты был прав. Я в гробу.».

Она не стала отправлять. Стерла. Это было слабостью.

А она не хотела быть слабой перед ним.

Вместо этого она пошла в душ, включила ледяную воду. Стояла под ледяными струями, пока тело не онемело, а мысли не прочистились.

Она вышла, завернулась в халат и села перед зеркалом. Смотрела на свое отражение. На женщину, которую загнали в угол. В красивую, дорогую, но клетку.

«Хватит», – тихо сказала она своему отражению.

Она взяла тушь для ресниц. Подошла к зеркалу в прихожей – огромному, в позолоченной раме. И на чистой, блестящей поверхности она вывела жирные, черные буквы:

Я НЕ СОБАКА. Я НЕ ДОЛЖНА.

Она отступила на шаг, любуясь своим творением. Это был вандализм. Это было прекрасно.

Потом она взяла телефон и позвонила матери. Та взяла трубку сразу, видимо, все еще на взводе.

«Мама, слушай внимательно. И запомни раз и навсегда».

Она говорила тихо, но четко, отчеканивая каждое слово.

«Мое тело – мое дело. Моя жизнь – мое дело. Мои решения – мое дело. Я больше не буду обсуждать с тобой ни детей, ни моего мужа, ни мою работу. Если ты позвонишь не для того, чтобы спросить, как мои дела, а для того, чтобы дать указание или вызвать чувство вины – я положу трубку. С первого раза. Поняла?»

На том конце провода повисла ошеломленная тишина. Потом началось: «Да как ты смеешь! Я твоя мать! Я...»

Алиса положила трубку. Ровно так, как и сказала.

Телефон тут же зазвонил снова. «МАМА». Она посмотрела на вибрирующий аппарат, положила его в ящик стола и закрыла его.

Она подошла к зеркалу, обвела пальцем надпись. Мать не сдастся. Это только начало войны. Но она сделала первый выстрел.

И это было гораздо лучше виски.

Глава 6. Принцип «Не беси отца»

Тишина продержалась два часа. Потом в дверь позвонили. Настойчиво, требовательно. Алиса посмотрела в глазок. Сердце упало.

На пороге стоял ее отец. Николай Иванович. В своем вечном потрепанном кожаном пиджаке, с лицом, на котором десятилетия молчаливой покорности высекли сеть морщин.

Она открыла. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и не смотрел ей в глаза.

«Привет, пап».

«Привет, дочка». Он зашел, неуклюже вытирая ноги. «Можно... поговорить?»

Он всегда так – «можно поговорить?», словно просит милостыню. Она кивнула, провела его на кухню. Он сел на краешек стула, положил руки на колени.

«Мама... твоя мама... очень расстроена», – начал он, глядя в стол.

«Я знаю, папа».

«Она... она ведь желает тебе только добра». Это была заученная фраза. Он повторял ее тридцать лет.

Алиса налила ему чаю. Молча. Ждала.

«Она плакала, Алиса. Говорит, ты ее бросила. Как ненужную вещь».

«Я установила границы. Это разные вещи».

Он покачал головой, не понимая. Для него не было границ. Была жена, которая кричит, и дочь, которая должна слушаться. И он – буфер между ними, вечный миротворец, который на самом деле лишь подливал масла в огонь своим молчанием.

«Она же мать... Ей видней. Она жизнь прожила».

«Ее жизнь. Не мою».

Он вздохнул, его плечи сгорбились еще сильнее. «Доченька... Не усложняй. Просто позвони, извинись. Скажи, что ты не так поняла. И все наладится».

Алиса смотрела на него. На этого вечно уставшего, сломленного мужчину, который предпочитал не замечать слонов в комнате, лишь бы сохранить шаткий мир. Его главный принцип – «не беси мать», который распространялся и на дочь.

«Папа, а ты хочешь внуков?» – спросила она вдруг.

Он смутился, заерзал. «Ну... как все... было бы неплохо».

«А ты хочешь, чтобы я хотела детей? Чтобы это было мое решение, а не попытка угодить тебе с мамой?»

Он растерянно моргал. «Я... я не знаю. Женщина должна...»

«Я не „женщина вообще“, папа. Я – твоя дочь. Алиса. Что хочешь ты? Для меня?»

Он долго молчал, глотая чай. Потом поднял на нее глаза, и в них мелькнуло что-то настоящее, невысказанное за все годы.

«Я хочу... чтобы ты была счастлива», – прошептал он. – «Просто... счастлива. Как бы это ни выглядело».

В его голосе была такая тоска, такая неизбывная грусть, что у Алисы сжалось сердце. Он сам никогда не был счастлив. Он просто выживал.

«А ты, пап? Ты счастлив?»

Он отшатнулся, словно она ткнула его раскаленным железом. Его лицо закрылось.

«Не надо обо мне. Речь о тебе. Твоя мама...»

И снова он ушел в свою крепость. В свое «не беси».

Алиса поняла – он не союзник. Он – заложник. И помочь ему она не сможет, пока не поможет себе.

«Папа, я не буду звонить и извиняться. Потому что я не виновата. Я имею право на свою жизнь».

Он смотрел на нее с неммым укором. Как на ребенка, который устроил истерику в общественном месте.

«Как скажешь», – он поднялся. – «Я... я пойду. Твоя мама волнуется».

Он ушел. Так и не допив чай.

Алиса стояла на кухне, глядя на его полную чашку. Он всегда так – приходил, передавал послание, уходил. Никогда не принимал сторону. Никогда не защищал ее. Его молчаливое одобрение системе, которая калечила их обоих.

Она подошла к ящику, достала телефон. Мама не звонила. Видимо, поняла, что прямой натиск не работает. Перешла к осаде через отца.

Она открыла сообщения от Льва. Перечитала их. Его начальные, живые слова были глотком воздуха. Он никогда не сказал бы «не усложняй». Он сказал бы «усложняй, пока не взорвется, так интереснее».

Она написала: «Мой отец был тут. Принес капитуляцию из соседнего окопа».

Ответ пришел почти сразу: «Отцы – это призраки, Аська. Они являются, чтобы напомнить, кем мы не должны стать. Выпей виски. Выбей из головы эту хуйню».

Она улыбнулась. Грубо. Цинично. Но это работало.

Она не стала пить. Вместо этого она пошла в кабинет, села за компьютер и открыла сайт по продаже недвижимости. Ввела параметры: студия, один этаж, кирпичные стены, недорого.

Она не собиралась съезжать. Пока нет. Но просто знать, что такие варианты есть, что у нее есть выбор – это давало опору.

Потом она позвонила Светлане, своей пациентке, которая ушла от мужа.

«Света, это Алиса. Как вы?»

«Живу, – голос Светланы звучал устало, но твердо. – Сняла комнату. Ищу работу. Страшно, блин. Но... свободно».

«А муж?»

«Звонил. Говорил, что я сумасшедшая. Что без него сдохну. Послала его. Впервые в жизни. Знаете, Алиса Викторовна, это было... оргазмично».

Алиса рассмеялась. Искренне. «Верю».

«А вы? Как ваша война?»

Алиса посмотрела на экран с объявлениями. На открытой вкладкой с билетами в Берлин на выходные. Просто посмотреть.

«Пока наступаю мелкими диверсиями. Но планы на полномасштабную операцию есть».

«Удачи. И помните – они всегда говорят, что мы сдохнем без них. Это ложь. Сдохнуть можно только с ними. Медленной и тихой смертью».

Алиса положила трубку. Фраза Светланы звенела в ушах: «Медленной и тихой смертью».

Она подошла к зеркалу в прихожей. Надпись «Я НЕ СОБАКА» уже стерли. Горничная, испуганная и растерянная, отмыла ее до блеска. Все вернулось на круги своя.

Но что-то изменилось. Она посмотрела на свое отражение и не увидела там ни жертвы, ни заложницы. Она увидела диверсанта. Терпеливого и готового ждать своего часа.

Она достала из кармана халата тот самый осколок хрустала. Прижала его к ладони. Острая боль была ее тайным рукопожатием с самой собой. Клятвой.

Война только начиналась. Но она больше не боялась сделать первый выстрел.

Глава 7. Диагноз: Норма

Вечером Максим вернулся не один. С ним был его старый друг, врач-психиатр Артем. «Случайно встретились», – пояснил Максим, но Алиса почувствовала неслучайность этого визита.

Артем – эталон спокойствия и рациональности, всегда в безупречном костюме и с сочувствующей улыбкой. Он специализировался на «коррекции поведения успешных людей».

«Алиса, дорогая, ты прекрасно выглядишь», – сказал он, целуя ей руку. Его прикосновение было холодным.

Они устроились в гостиной. Максим разливал коньяк. Воздух был густым от невысказанного.

«Артем как раз рассказывал о любопытном случае, – начал Максим, удобно устраиваясь в кресле. – Пациентка, успешная женщина. Вдруг начала демонстрировать иррациональное поведение. Агрессию, импульсивные поступки. Оказалось – гормональный сбой. Прекрасный препарат новый появился, все корректирует».

Алиса сидела с прямой спиной, улыбаясь. Она понимала, куда клонит муж. Это была замаскированная атака.

«Интересно», – сказала она нейтрально.

«Да, современная медицина творит чудеса, – подхватил Артем, поправляя очки. – Часто то, что мы принимаем за ду-

шевный кризис, банальная физиология. Особенно у женщин после тридцати пяти. Нервозность, перепады настроения... Всему есть объяснение. И лечение».

Они смотрели на нее. Два сфинкса в дорогих костюмах, ставящих диагноз по ее уставшим глазам.

«А если это не гормоны?» – мягко спросила Алиса. – «Если человек просто... устал от той жизни, которую ведет?»

Максим усмехнулся. «Милая, „устал“ – это не диагноз. Это слабость. А мы с тобой не слабые. Мы – команда». Он сделал паузу. «Я беспокоюсь о тебе. Твое поведение в последние дни... Оно не соответствует твоему обычному уровню. Артем, как профессионал, подтвердит».

Артем кивнул с мудрым видом. «Алиса, то, что ты описываешь – „устала от жизни“ – классический симптом выгорания. А выгорание – это не душевная болезнь, это сбой в системе. Как вирус в компьютере. Нужно просто почистить».

«Почистить?» – переспросила она.

«Конечно. Есть прекрасные легкие препараты. Стабилизаторы настроения. Ничего страшного. Как витамины. Ты же пьешь витамины?»

Она смотрела на него, и ее тошнило от этой сладковатой, ядовитой заботы. Они хотели посадить ее на таблетки. Сделать удобной. Вернуть в «норму». Их норму.

«Я психолог, Артем. Я знаю, что такое выгорание. И знаю, что таблетки не решают проблему. Они лишь маскируют симптомы».

Максим поставил бокал со стуком. «Проблема? Какая проблема? У нас с тобой прекрасная жизнь! У тебя есть все!»

«Все, кроме права на собственные чувства», – тихо сказала Алиса.

В гостиной повисла тяжелая пауза. Артем кашлянул.

«Алиса, иногда наша психика защищает нас от неприятных переживаний, создавая иллюзию проблемы. Особенно если в детстве были... скажем так, сложные отношения с родителями. Гиперопекающая мать, например. Это создает почву для бунта во взрослом возрасте. Бунта без причины».

Без причины. Ее чувства – без причины. Ее боль – без причины. Все, что не вписывалось в их идеальную картинку, объявлялось «иллюзией».

Она встала. Руки дрожали, но голос был твердым.

«Спасибо за заботу, Артем. Но мое психическое здоровье в полном порядке. А то, что вы называете „симптомами“, я называю пробуждением».

Она вышла из гостиной, оставив их в ошеломленном молчании.

В кабинете она захлопнула дверь и прислонилась к ней, пытаясь отдышаться. Они объединились против нее. Муж и его «эксперт». Оружие – психиатрия. Диагноз – «норма», от которой она осмелилась отклониться.

Через несколько минут в дверь постучали. Вошел Максим. Без Артема.

«Это было неуважительно, Алиса».

«Неуважительно – это приглашать психиатра, чтобы объявить меня сумасшедшей».

«Никто не объявляет тебя сумасшедшей! Мы пытаемся тебе помочь! Ты разрушаешь нашу жизнь, и я не понимаю, почему!»

Он стоял перед ней, и в его глазах впервые за долгое время было настоящее, неконтролируемое чувство. Ярость.

«Может быть, потому что „наша“ жизнь – это всегда твоя жизнь, Максим? Твои правила. Твои планы. Твои гости. Твои ароматизаторы, блять!»

Он смотрел на нее, и его лицо исказилось. «Так. Значит, дело в ароматизаторах. Я все понял. У тебя кризис среднего возраста. Ты хочешь приключений. Новых впечатлений». Он сделал паузу. «Хочешь поехать в Альпы? Или на Мальдивы? Я могу отменить встречи».

Он все еще не понимал. Он думал, что ее можно купить. Поездкой. Курортом. Еще одной красивой безделушкой.

«Я не хочу в Альпы, Максим».

«Чего ты хочешь, Алиса? Скажи мне! Чего ты хочешь?»

Она посмотрела ему прямо в глаза.

«Я хочу тишины. Я хочу, чтобы мое „нет“ значило „нет“». Я хочу носить джинсы дома. Я хочу пить виски, когда мне хочется. Я хочу, чтобы моя мать не управляла моей жизнью через тебя. Я хочу... я хочу дышать».

Он слушал, и его лицо постепенно застывало. Возвращалось в привычную маску холодного презрения.

«Ты невыносима. После всего, что я для тебя сделал... Я предоставил тебе все условия...»

«Ты предоставил мне клетку, Максим! Красивую, золотую, но клетку!»

Он резко развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Алиса осталась одна. Дрожь постепенно утихла. На смену ей пришла странная, ледяная ясность.

Они с Максимом говорили на разных языках. Он – на языке собственности и контроля. Она – на языке свободы и права на себя.

И это была война, в которой не могло быть компромисса.

Она подошла к компьютеру. Открыла браузер. На этот раз она не просто смотрела объявления. Она ввела номер своей дебетовой карты и купила тот самый билет в Берлин. На выходные. В один конец.

Это было нерационально. Импульсивно. Дорого.

И совершенно необходимо.

Она распечатала билет и положила его в паспорт. Потом достала осколок хрусталя и провела им по ладони. Капля крови выступила и упала на белую бумагу.

Диагноз был поставлен. Ее диагноз. Не «норма». Не «выгорание».

А жизнь. Настоящая, больная, кровоточащая, но ее.

Глава 8. Первая щепка

На следующее утро Алиса проснулась с ощущением тяжелого похмелья, хотя не пила ничего крепче чая. Причина висела в воздухе – невысказанная, но ощутимая, как запах гари после пожара.

Максим вел себя с ледяной вежливостью. Он передавал ей соль, не глядя в глаза. Говорил «спасибо» ровным, безличным тоном. Это была его версия шторма – не крик, а полярная стужа.

«Я уезжаю в Берлин на выходные», – сказала она за завтраком. Голос не дрогнул. Она тренировалась перед зеркалом.

Он медленно доел свой омлет. Отложил вилку. Вытер салфеткой губы.

«С кем?» – спросил он. Один-единственный вопрос. Острие кинжала.

«Одна».

Он кивнул, как будто получил ожидаемый ответ. «Деловая поездка? Новый клиент?»

«Нет. Просто поеду».

Он поднял на нее глаза. Взгляд был пустым, как у рыбы на льду. «Я не могу позволить этому случиться».

«Ты не можешь позволить?» – она почувствовала, как по спине пробежали мурашки. – «Я не прошу твоего разре-

шения, Максим. Я информирую тебя».

Он встал, подошел к окну. Стоял спиной к ней, глядя на город.

«Твое поведение становится все более иррациональным. Поездка в одиночку в чужой город. Без цели. Это небезопасно. Нелогично. И... неприлично».

Последнее слово он произнес с особым отвращением.

«Неприлично?» – она засмеялась. Резко, почти истерично. – «Что в этом неприличного?»

«Жена не ездит одна в неизвестные поездки! – он резко обернулся. В его глазах вспыхнул огонь. – Люди подумают Бог знает что! Или тебя это уже не волнует? Ты готова опозорить меня? Опозорить наше имя?»

«Наше имя? – она встала, отодвинув стул. – Твое имя, Максим! Всегда только твое! А что насчет моего имени? Моей жизни?»

«Я дал тебе жизнь! – он ударил кулаком по столешнице. Зазвенела посуда. – Я поднял тебя из той помойки, где ты копошилась! Дал тебе все! А ты... ты теперь решила, что можешь плюнуть на все это?»

Она видела его злым. Холодным. Но таким – с искаженным от ярости лицом, с трясущимися руками – она не видела никогда. Это было страшно. И... освобождающе. Наконец-то настоящий.

«Я не просила тебя меня „поднимать“! И моя жизнь не была помойкой! Это была МОЯ жизнь!»

«Твоя жизнь была нищетой! – закричал он. – Ты жила в дыре с этим... этим грязным художником! Ты носила рваные джинсы и ела дешевую лапшу! И ты хочешь вернуться к этому? К этому позору?»

Слово «позор» повисло в воздухе. Оно било по ней, как плеть. Но вместо боли рождалась ярость. Глубокая, древняя, как мир.

«Да, может быть, я хочу! – выкрикнула она. – Может быть, твой идеальный мир задолбал меня! Может быть, я предпочитаю рваные джинсы твоим идиотским платьям! Может быть, я хочу есть дешевую лапшу и не бояться разбить хрустальную блядскую рюмку!»

Она отдышалась. Грудь вздымалась. Она сказала это. Она сказала «блядскую». Вслух. В своей безупречной гостиной.

Максим смотрел на нее с таким отвращением, будто она была насекомым, выползшим из канализационного стока.

«Идиотские платья... – он медленно покачал головой. – Блядская рюмка... Так. Теперь я все понял. Ты не просто устала. Ты... опустилась. Ты стала грубой. Вульгарной. Ты стала... обычной».

Он произнес это как приговор. «Обычная». Самое страшное оскорбление в его лексиконе.

«Знаешь что, Максим? – она подошла к нему вплотную. – Может, именно в этом и счастье? В том, чтобы быть обычной? А не вылизанной куклой в твоей витрине!»

Он смотрел на нее, и его лицо постепенно застывало.

Ярость уходила, сменяясь чем-то более страшным – холодным, безжалостным расчетом.

«Хорошо, – сказал он тихо. – Хочешь быть обычной? Пожалуйста. Но обычные женщины не живут в пентхаусах. Они не носят жемчуг. Они не ездят в Берлин, когда им вздумается».

Он сделал паузу, давая словам просочиться, как яду.

«Твоя карта заблокирована. С этого момента. Ты получишь разумное содержание на продукты и бытовые нужды. Никаких личных расходов. Никаких поездок».

Она почувствовала, как земля уходит из-под ног. Он ударил в самое больное. В финансовую зависимость.

«Ты не можешь...» – прошептала она.

«Могу. И сделаю. Пока ты не одумаешься. Пока не вернешься в нормальное состояние».

Он повернулся и пошел к выходу. У двери остановился.

«И смени, пожалуйста, ароматизатор. От этого меня тошнит».

Дверь закрылась.

Алиса осталась одна посреди разгрома, который устроили не вещи, а слова. Она подошла к столу, уцепилась за столешницу. Первая щепка полетела. И это была она сама.

Финансовая блокада. Это было гениально и жестоко. Он знал, что без денег она беспомощна. Что ее бунт – это бунт на птичьих правах.

Она посмотрела на свой телефон. Билет в Берлин был куп-

лен. Но чем она будет платить за отель? За еду? Ее карта была мертва.

Унижение жгло ее изнутри. Он поставил ее на счетчик. Как непослушного ребенка, которого лишили карманных денег.

Она медленно подняла голову и посмотрела на трещину в стеклянной столешнице. Та самая, с которой все началось. Она стала больше.

Алиса провела по ней пальцем. Острая кромка больно царапнула кожу. Капля крови выступила и упала на белый лак стола.

Она смотрела на алую точку. И вдруг поняла.

Щепки уже летели. Остановиться было нельзя. Можно было только отпрыгнуть в сторону или пойти под топор.

Она достала телефон. Написала Светлане.

«Срочно нужна работа. Любая. Деньги. Твои знакомые, может, кто ищет психолога?»

Потом она написала Льву. Всего три слова.

«Деньги кончились. Помоги».

Она не жаловалась. Она констатировала. И просила помощи. Впервые в жизни.

Ответ пришел через минуту.

«Приходи. Сегодня. Найдем работу. Деньги будут».

Она положила телефон. Подошла к разбитой рюмке. Подняла еще один осколок. Положила его в карман рядом с первым.

Теперь у нее было два талисмана. Два острых, режущих напоминания.

Война перешла в новую фазу. Из психологической в экономическую. И она была готова.

Глава 9. Письмо из ниоткуда

Ответ Льва был кратким, как выстрел: «Студия. 18:00. Будем искать выход. Не психуй».

Не психуй. Легко сказать. Алиса провела день в лихорадочном ожидании. Каждый звонок телефона заставлял ее вздрагивать – вдруг Максим? Но он не звонил. Он начал свою тактику – бойкот. Игнорирование. Показательное безразличие, которое должно было заставить ее сдаться.

Она пыталась работать, но мысли путались. Пациент с паническими атаками рассказывал о своем страхе замкнутого пространства, а она думала: «Попробовал бы пожить в моей квартире-аквариуме».

В шестом часу она не выдержала, собралась и вышла из дома. На этот раз надела то, что хотела – старые джинсы, кроссовки, простую футболку. Без макияжа. Она шла по улице и ловила на себе удивленные взгляды соседей. Алиса Викторовна, всегда безупречная, в джинсах? Скандал.

Лев открыл дверь, окинул ее взглядом с ног до головы и усмехнулся.

«Ну вот. Уже лучше. Почти похожа на человека».

В студии пахло свежей краской и кофе. На полу стояла новая работа – абстрактная композиция из ржавого металла и дерева. «Это называется „Деконструкция эго“», – бросил Лев, следуя за ее взглядом.

Он подвел ее к старому деревянному столу, заваленному бумагами, кистями и банками из-под кофе. Отодвинул хлам, поставил перед ней чашку с дымящимся напитком.

«Рассказывай. Что за финансовый апокалипсис?»

Она рассказала. Про ссору. Про блокировку карт. Про «разумное содержание». Лев слушал, не перебивая, его лицо было серьезным.

«Душитель, – коротко резюмировал он, когда она закончила. – Классический мужлан-контролер. Деньги – это его последний крюк, на котором ты висишь. Значит, надо его вырвать».

«Легко сказать. У меня нет своих денег. Вернее, есть, но немного. На черный день. Но их не хватит надолго».

«Значит, нужен доход. Независимый от его щедрот». Он отхлебнул кофе. «У меня есть предложение. Не шикарное, зато быстрое».

Она смотрела на него, затаив дыхание.

«Мой приятель, владелец арт-кафе. Ему нужен психолог. Не для скучных лекций, а для живых вечеров. „Терапия искусством“ для богатых буратин. Они любят пощекотать нервы. Будешь разбирать их неврозы на примере картин. Платить будут наличными. В конверте. Без договоров».

Алиса медленно кивнула. Это было не профессионально. Почти шарлатанство. Но... деньги. Наличные. Независимые. «Я согласна».

«Отлично. Первый сеанс послезавтра. Подготовь что-ни-

будь эдакое. Про эдипов комплекс и сюрреализм, например». Он усмехнулся. «А теперь второе. Письмо».

Он порылся в груде бумаг на столе и достал конверт. Старый, пожелтевший. На нем было выведено ее имя. Узнаваемым почерком.

«Это... от тебя?»

«Нет. От того самого грязного художника. От меня. Только десять лет назад».

Она взяла конверт. Руки дрожали.

«Я нашел его, когда разбирал хлам. Написал тебе тогда, после нашего последнего свидания. Но не отправил. Считай, что оно пришло к тебе сейчас. Из ниоткуда».

Она медленно вскрыла конверт. Листок в клетку, исписанный знакомым размашистым почерком.

«Аська.

Сегодня три месяца, как ты ушла. Вернее, как ты сделала «правильный выбор». Выбрала стабильность вместо хаоса. Бриони вместо заляпанных краской джинсов. Я до сих пор не понимаю, почему. Может, испугалась? Меня? Себя? Нашей безумной жизни, в которой можно кричать, плакать, смеяться до упаду и рисовать на стенах в три часа ночи?

Я знаю, ты скажешь, что я эгоист. Что я не могу дать тебе того, что дает он. И ты права. Я не могу дать тебе покой. Я могу дать только жизнь. Настоящую, с грязью, с кровью, с восторгом. Но ты, видимо, решила, что чистота важнее.

Я уезжаю. Не знаю, куда. Не ищи меня. И не пиши. Это

письмо – мое последнее слово. Просто хочу, чтобы ты знала: какой бы путь ты ни выбрала, та, что пила со мной вино и спорила о Кафке, – она настоящая. И я верю, что однажды она проснется.

Будь счастлива. Если сможешь.

Твой Лев.»

Алиса дочитала и подняла на него глаза. В горле стоял ком.

«Ты... ты все это думал?»

«Думал. И сейчас думаю. Просто теперь я понимаю – у каждого свой путь. Даже если это путь в золотую клетку». Он помолчал. «Я не отправил его, потому что понял – это манипуляция. Попытка вернуть тебя. А я не хотел давить. Решение должно было быть твоим».

Она смотрела на пожелтевшую бумагу. Слова, написанные десять лет назад, были удивительно актуальны. Как будто он предвидел ее сегодняшний кризис.

«Я... я не знала».

«И не должна была. До поры до времени». Он взял у нее письмо, сложил его и сунул обратно в конверт. «Хочешь – возьми. Хочешь – выбрось. Это твое прошлое. Решай, что с ним делать».

Она взяла конверт и сунула его в карман джинсов. Рядом с осколками хрусталя.

«Спасибо», – прошептала она.

«Не за что. – Он встал. – А теперь иди домой. К своему

мужу. Играй свою роль. Копи силы. И деньги. Готовься. Скоро начнется самое интересное».

Она вышла на улицу. Вечерний воздух был прохладным. Письмо в кармане жгло ее, как раскаленный уголь. Это было не просто письмо. Это была карта ее самой себя. Той, которую она похоронила десять лет назад.

Она шла домой, и у нее было странное чувство. Не вины. Не раскаяния. А... ясности. Она нащупала нить. Ту самую, что связывала ее с той, настоящей Алисой.

Дома ее ждал Максим. Он сидел в гостиной, читал газету. Поднял на нее глаза.

«Надеюсь, ты провела день с пользой».

«Да, – ответила она спокойно. – Очень продуктивно».

Она прошла в свою спальню, достала конверт и спрятала его в самую глубину ящика с бельем. Рядом с распечатанным билетом в Берлин.

Теперь у нее было два талисмана. Осколки настоящего. И письмо из прошлого. Этого было достаточно, чтобы начать строить будущее.

Она вышла из спальни, села напротив Максима и взяла свою книгу. Они сидели в тишине. Два чужих человека под одной крышей.

Но впервые за долгие годы Алиса чувствовала себя не побежденной, а агентом под прикрытием. Она вернулась в стан врага. Но теперь у нее был план. И союзник на стороне.

Глава 10. Контрольный выстрел в зеркало

Три дня прошли в звенящем перемирии. Максим был вежлив, как робот. Алиса играла свою роль послушной жены. Она даже сменила ароматизатор на тот, что он просил – холодный, безжизненный аромат бергамота и сандала.

Но под этой гладкой поверхностью кипела работа. Она провела первый вечер «терапии искусством» в арт-кафе. Богатые, скучающие дамы с восторгом слушали, как она разбирала их страхи перед одиночеством через призму картины Эдварда Мунка. В конце ей вручили конверт с деньгами. Не много, но достаточно. Ее собственные деньги.

Она прятала их в той же шкатулке, где лежали осколки и письмо. Ее тайный фонд освобождения.

На четвертый день все кончилось. Повод был пустяковым. Максим нашел в стиральной машине ее джинсы. Те самые, в которых она ходила к Льву.

Он вошел в спальню, держа их на вытянутой руке, как труп крысы.

«Это что?»

Алиса отложила книгу. «Джинсы».

«Я вижу, что джинсы. Зачем они тебе? Ты что, собираешься в них появляться на людях?»

«Я уже появлялась. И ничего, мир не рухнул».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.